

Ирина Рождественская

Последний польский перевод «Тараса Бульбы»

В истории рецепции русской литературы в Польше последнего десятилетия творчество Гоголя занимает особое место: наряду с Достоевским, Толстым и Чеховым он является чаще всего издаваемым и представляемым на сцене русским автором. Эта одна из наиболее захватывающих фигур русской классики, «ключ» к современной Польше, на тамошней литературной сцене фигура наиболее медиальная, яркая.

Традиционно знание о каждой литературе существует в двух сферах – отечественной и так называемой зарубежной, с отдельными работами которой мы знакомимся в переводах. Иначе складывается ситуация с ближайшим соседом, например, с Польшей, который и «наш» и «чужой» одновременно, тем более что русский язык там был до недавнего времени изучаемым. Библиографии работ о Гоголе издавались на русском и украинском языках, при этом знание текстов польских критиков и филологов о Гоголе было и есть в Украине недостаточно. В Польше и во всем мире популярность Гоголя представляется через призму «Вечеров» и «Миргорода», «Петербургских повестей», «Ревизора» и «Мёртвых душ». Множество современных польских откликов на Гоголя свидетельствует, что эта сфера требует изучения. Поэтому цель настоящей статьи – сообщить о главных фактах польского освоения Гоголя, которые позволят открыть новые горизонты в понимании его наследия. Одной из последних попыток нового прочтения Гоголя является изданный в 2002 году перевод «Тараса Бульбы» и последовавшие отклики критики на него.

Осмысление Гоголя в Польше связано с тремя важными для польского государства и польской культуры периодами: до обретения Польшей независимости в 1918 году, когда принудительная русификация была средством подавления национального самосознания; межвоенный период с 1918 по 1939, наиболее благоприятный для развития национальной культуры; эпохи коммунистической Польши (ПНР) и после падения железного занавеса.

Гоголь был известен в Польше уже с 50-х годов XIX века, но свидетельства его популярности и культурного отторжения поляками относятся к концу XIX века, когда возникает массовое чтение. Популяризация Гоголя пришлась на время годовщин его

смерти и столетнего юбилея, и в то же время возникли так называемые «рецептивные лакуны» – факты критического восприятия Гоголя. Историк литературы пишет, что «был это автор особо пропагандируемый российскими властями от образования на территории Привислянского края» [3, 17]. Но поскольку главным и первым писателем империи был Пушкин (вспомним отчеты о праздновании его столетнего юбилея в Варшаве в работах М. Левитта), то Гоголю досталось неприятие. Из истории пьес Гоголя в Польше известно, например, что польскому театру, который бы отважился в Варшаве до 1905 г. поставить пьесу русского автора (Г.), грозила изоляция и финансовое фиаско [3, 17]

В 1902 году, в 50-ю годовщину смерти Гоголя, царские власти проводили памятные мероприятия, в которых были использованы механизмы рекламы, опробованные в год Пушкинского юбилея, – литература для народа, листовки, портреты и т.д. Однако современник тех событий пишет, что варшавская молодёжь на Гоголевском празднике отсутствовала, гимназисты из Сандомежа «демонстративно порвали розданные им портреты Гоголя» [3, 17], подобное происходило в других городах. Такой была реакция на Гоголя, предлагаемого на роль второго имперского писателя, в то время как публичное празднование юбилеев Мицкевича и Словацкого запрещалось. Среди прочей рекламной продукции, которая воспринималась как излишняя, польский историк отмечает и продукцию имперской патриотической направленности, оскорблявшую польские чувства. В солдатской «Походной библиотечке» появилась небольшая (12 страниц) брошюрка с пересказом повести «Тарас Бульба», где был без сокращений включен фрагмент, в котором Тарас собственноручно карает сына за измену Родине [4, 150]. Среди литературы для народного чтения встречалась адаптация повести под названием «Тарас Бульба или измена и смерть за прекрасную панну» [4, 150].

В межвоенной Польше 1918–1939 годов русская литература занимала четвертое место по количеству изданных переводов после английской, французской, немецкой [3, 540]. В то время Гоголь становится одним из наиболее известных русских классиков, его активно приобретают для частных библиотек.

Информация о популярности Гоголя у массового читателя в послевоенное время еще не собрана, но о многом говорят современные свидетельства поколения, выросшего во времена абсолютной веры в официальное печатное слово. Русский язык в польских школах, как замечает современник, преподавался «вполне добросовестно,

часто увлекательно <...> и в хорошем классическом варианте» [1, 384]. Гоголь был представлен в оригинале и это способствовало тому, что, анализируя большой успех его творчества, мы убеждаемся – он стал известен благодаря универсальной проблематике и вечности созданных типов. Пафос же «антипольскости» отошел на второй план.

Может быть удивительным тот факт, что в откликах на Гоголя в последнее десятилетие речь идет именно о переводе классика. Однако такое положение дел имеет свое объяснение. Традиционная рецепция Гоголя в Польше представляет асимметрию между популярностью всего творчества писателя и восприятием повести «Тарас Бульба». На польском языке к началу XX века повесть не была известна, хотя еще в 1850-м году галицкий народный учитель Петр Гловацкий (псевдоним Федорович) опубликовал ее перевод. В 1853-м Гловацкий умер и его перевод никогда не переиздавался. Польские исследователи надеются, что экземпляры перевода могли сохраниться в библиотеке им. Стефаника во Львове.

В обязательную школьную программу в начале XX века входила антипольская повесть «Тарас Бульба», ее усердно втолковывали ученикам [3, 18]. Результат усвоения повести был удручающ – гимназическим учителям давали кличку «Тарас Бульба» [3, 18].

В межвоенной Польше уменьшилось количество людей, которые могли прочесть повесть в оригинале. Историк сообщает, что в справочнике 1932 года для массовой публики «Что читать?» – (беллетристика) составитель отрицательно отзываясь о повести Гоголя, создавшего негативный образ поляков [3, 27]. В 1936 году цензура запретила издание нового перевода «Тараса Бульбы»: весь тираж был конфискован в Коломые до поступления в книжные магазины [4, 152], поскольку «книжка унижает польский народ» [5, 174]. По свидетельству историка, в межвоенной Польше «Тарас Бульба» вошел в энциклопедии как образец «элементарной ненависти к полякам» [4, 153].

Во времена ПНР повесть, хотя и доступная на русском языке, не рассталась с антипольской репутацией. Описывая столетнюю годовщину смерти Гоголя, польский русист цитирует доклад М. Домбровской, которая охарактеризовала классика как известного и ценимого в Польше, хотя и творившего в эпоху, «не способствующую совместной культурной жизни польского и русского народов» [4, 154]. Симптоматичен факт, что те, кто не изучал русский язык, узнавали о повести из комментария к справочнику для учителя следующее: “такие произведения Гоголя как «Тарас Бульба» ...

могли оскорблять патриотические и религиозные чувства поляков» [4, 155]. Повесть по-прежнему воспринималась как инструмент имперского патриотизма.

Объяснимо, почему последний перевод повести 2002 г. вышел с предисловием переводчика «Черное зеркало трилогии» (Сенкевича) и многостраничным послесловием. Симптоматично, что переводчик, он же автор предисловия, представляет повесть как свидетельство хаоса и неразумных действий по изменению границ Польши и Украины, почему до сегодняшнего дня не исчезла эта изменчивость крайних настроений между Вислой и Днепром [6, 9].

Новый перевод «Тараса Бульбы» вызвал отклики как в критике, так и в публицистике. Историк идей Г. Пшебинда, исследующий отношения католицизма и православия, в том числе и на материале художественной литературы, объединяя в единый текст Гоголя и Достоевского, включает повесть в круг проблем всей Восточной Европы второй половины XX века. Акцент переносится с польско-украинского вопроса, в который повесть не вносит ничего нового, на фундаментальные московско-киевские вопросы, «по сути вопросы российско-украинские». С точки зрения восточнославянских проблем второй половины XX века гоголевское выступление за восточнославянскую православную Русь под властью русского царя оказывается утопией, поскольку давно нет стремящейся к такой Руси Украины и не должно быть такой России. По мысли Пшебинда, повесть Гоголя о том, как шляхетская Польша воюет с гетманско-крестьянской Украиной, чтобы выгоды из этой войны извлекла царская Москва [2]. Поэтому оба историка, комментирующие повесть, Г. Пшебинда и Я. Тазбир, вспоминают о проведенном в 1943 в оккупированном немцами Львове так называемом «суде над Гоголем» как над «пауком, который высосал кровь из своей Украины для Москалей». Они указывают, что для суда были причины в украинской истории. Таким образом, история обострила противоречия между русским и украинским самосознанием, характерным для Гоголя, поэтому Я. Тазбир называет все творчество Гоголя «кривым зеркалом Украины» [4, 166-167], а саму повесть – антиисторичной.

Среди проблем, которые поднимают критики «Тараса Бульбы», кроме историзма, существуют и не связанные с политическими спорами, а посвященные поэтике повести, ее литературной ценности [5, 175]. Так, статья А. Володзко-Буткевич отображает неудовлетворенность традиционной рецепцией повести как памфлета на поляков [5, 178]. Автор стремится учитывать особенности

поэтики всего творчества Гоголя, прежде всего как писателя-сатирика, склонного к смешению стилей, создавшего в «Тарасе Бульбе» нечто вроде героикомической поэмы [5, 178]. С точки зрения такого жанрового определения повести исследовательница считает удачной выбранную переводчиком характеристику, в которой повесть – «черное зеркало наших представлений о казачине, запорожцах, Диком поле» [5, 178].

Трактовка повести в качестве исторической вызывает сомнения, и современный исследователь называет такой историзм «польско-украинским Голливудом» с обаянием славянской души и фабульной привлекательностью [2]. Развивая этот сюжет, польский историк отводит Гоголю роль сценариста фильмов ужасов [4, 163], на которых он мог бы сделать состояние.

Как свидетельствует этот частный случай полемики вокруг повести Гоголя, и сегодня целостное восприятие его творчества все еще остается желаемым, продолжая во многом зависеть от политических дискуссий.

Примечания:

1. Faryno J. Как проявить имидж соседа // *Wizerunek sąsiadyw. 1: Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków*. – Warszawa, 2000. – S. 383 – 387.
2. Przebinda G. *Українське заклєцїя Gogola* // *Rzeczpospolita*, Nr 81, 6.04.2002.
3. Sielicki F. *Klasycy dziewiętnastowiecznej literatury rosyjskiej w Polsce międzywojennej*. – Warszawa, 1985.
4. Tazbir J. *Posłowie* // *N. Gogol. Taras Bulba*. – Warszawa, 2002. – S. 145 – 169.
5. Wołodźko-Butkiewicz A. *Czytając Gogola* // *Recepcja. Transfer. Przekład / pod red. nauk. Jana Koźbiala*. – Warszawa, 2004. – S. 173 – 179.
6. Zierny A. *Czarne lustro “Trylogii”* // *N. Gogol. Taras Bulba*. – Warszawa, 2002. – S. 5-9.